

Отметки при чтении "Исторического похвального слова Екатерине II", написанного Карамзиным
(фрагменты)

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М. Н.

Не знаю, пришла ли кому-нибудь в России мысль прочесть пред 24-м числом ноября истекшего года¹ "Историческое похвальное слово императрице Екатерине II"², написанное Карамзиным тому без малого три четверти века. Но мне на чужбине³ запала эта мысль и в ум, и в сердце. Лишенный радости присутствовать на екатерининском и всенародном празднестве, которое в минувшем ноябре торжествовал Петербург при сочувствии всей России, я хотел по крайней мере поклониться Екатерине в частном и скромном памятнике, воздвигнутом ей литературным ваятелем, художником мысли и слова.

Похвальные слова вышли ныне, как и многое другое, из употребления, но было время, когда, особенно во Франции, были они живою и уважаемою отраслью литературы; теперь место их занимают биографии и монографии. Впрочем, дело не в форме, не в покрое, не в оболочке. Формы видоизменяются более наружно, чем существенно: иногда старые формы вовсе разбиваются; но содержание, но истинно жизненное остается неприкосновенным, если при рождении своем восприняло оно отпечаток и залог жизни и обладает внутреннею ценностью. При этих условиях, несмотря на новые требования, на прихотливость своенравного и самовластного вкуса, одним словом, несмотря на то, что можно бы назвать нравственною, духовною модою, совместницею моды материальной, всякое умственное произведение, будь то книга, картина и тому подобное, имеет свою внутреннюю жизнь: мысль, чувства, одушевляющие это произведение, переживают время свое и не утрачивают достоинства своего. Сапфир все тот же сапфир, хотя и в старинной оправе. Ценители внутреннего значения не жертвуют им из пристрастия к внешней отделке. Напротив, истинные художники, совестливые поклонники искусства, часто дорожат этим отпечатком старины. Не только приятно, но даже и нужно время от времени освежать свой вкус подобными отступлениями от воззрений и обычаев настоящего. Чувство пресыщается и окончательно притупляется, когда оно исключительно обращено на однообразие текущего и на господствующие приемы и краски того или другого дня.

В отношении к литературе особенно полезно и отраднo возвращаться без пристрастия и без приговора заранее замышленного, к источникам, которые некогда утоляли и прохлаждали нашу нравственную и умственную жажду.

Творение Карамзина, о котором идет речь, возбудило в нас желание сказать о нем несколько слов. Оно не просто образцовое произведение искусства; оно сверх того может удовлетворить трояким требованиям: в отношении историческом, гражданском и общежитейском. Во всех этих видах носит оно отпечаток и знаменье времени своего и вместе с тем верный и глубокий отпечаток личности самого автора.

<...>

Благие начала, введенные Екатериною в государственном и общественном устройстве, не могли не отозваться в литературе нашей. Карамзину предоставляется честь, что он из первых и с большим успехом проникнут был миротворительным влиянием нового дня, восшедшего над Россией. Под этим влиянием перенес он литературу на почву новую и всем более доступную. Карамзину вообще, как приверженцами, так равно и противниками, приписывается, что он преобразовал общеупотребительный язык, раскрыл в этом орудии мысли новые качества и способности: плод этих изысканий проявил он в первых произведениях своих. Но главное достоинство его не в материальном преобразовании речи нашей, как ни велика и эта заслуга: основное, зиждительное достоинство его выражается в том, что он навел новый дух на литературу нашу, оживил ее новыми побуждениями и направлениями, нравственно согрел ее, приблизил ее к обществу и его сблизил с нею. Тут прямо выказываются влияния Екатерининского времени. За сближением общества с правительством и силою законодательною неминуемо, логически должно было следовать и общественное сближение с литературою, которая и должна быть выражением общества. До него литература была власть довольно суровая, мало общительная; она была сама по себе, общество само по себе. Ей поклонялись издали, уважали и чествовали ее суеверно, но равнодушно. С ним